

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ

ПОНИМАНИЕ НЕМЫСЛИМОГО

В.В. ЗНАКОВ

Институт психологии РАН, Москва

В статье сформулирована новая для российской психологической науки проблема понимания немислимого. Проанализирована семантика понятия «немислимое». Показано, что когнитивные составляющие феномена сводятся или к невероятному, невозможному, тому, что трудно представить, или к чрезвычайному, исключительному по степени проявления. Экзистенциальное значение «немислимого» связано с принятием или отвержением моральных и социальных норм поведения человека в обществе, с недопустимостью ситуаций, которые понимаются большинством людей как немислимые. Немислимое (холокост, теракты, зло) порождается в результате попыток осознать и понять существование, которое абсолютно невозможно помислить. Непонимание – следствие расхождения экзистенциального опыта субъекта и применяемых им для понимания рациональных схем рассуждений, шаблонов, фреймов. Когда люди имеют дело с немислимым, во-первых, нельзя однозначно выявить причины и следствия событий и явлений: они детерминированы случайным для понимающего мир субъекта способом; во-вторых, немислимыми оказываются иррациональные по своей сути события и явления, понять которые люди пытаются с помощью рациональных когнитивных способов рассуждений.

В целом психологический анализ показал, что можно выделить три главные характеристики немислимого. События и ситуации, которые люди оценивают как немислимые, характеризуются подавлением иррационального рациональным; выходом за границы привычных нравственных рассуждений, обусловленным невозможностью морального выбора; таким расхождением между знанием и экзистенциальным опытом понимающего мир субъекта, при котором он оказывается в амбивалентной позиции: одновременно надо и нельзя видеть немислимое. Для субъекта немислимое – источник умственного напряжения и внутреннего конфликта: есть задача понимания смысла феномена, но нет знаний, умений и навыков для ее решения. Одним из способов их получения является использование техники «окон возможностей Овертона», позволяющей найти правдоподобные интерпретации немислимого в многообразии противоположных точек зрения и позиций.

Ключевые слова: немислимое, невозможное, понимание, окна Овертона.

**ПОНЯТИЕ «НЕМЫСЛИМОЕ»
В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ**

Начиная исследовать понимание немислимого, сначала нужно определить семантику этого феномена, хотя бы приблизительно очертить его содержательные контуры. Обычно словарные определения «немислимого» сводятся либо к невероятному, невозможному, тому, что трудно представить (ядерная война в современном мире), либо к чрезвычайному, исключительному по степени проявления (запредельно высокая цена товара или очень красивая женщина). Однако это только

когнитивное содержание феномена, для психологов гораздо более значимым и интересным является его экзистенциальное значение, связанное с принятием или отвержением морально-нравственных норм. Показательным примером может служить фильм режиссера Г. Джордана «Немислимое». До какой степени физических и моральных истязаний могут доходить представители спецслужб по отношению к террористу, готовому выдержать любые пытки, но не сказать, в каком из многомиллионных городов должна взорваться ядерная бомба? Как и в случае других моральных дилемм, на этот вопрос нет

однозначного ответа, соответствующего общепринятым нормам поведения.

В социогуманитарных науках понятие «немыслимое» впервые использовал Г. Кан, ведущий аналитик RAND Corporation в период холодной войны. Анализируя возможные сценарии развития человечества после ограниченной термоядерной войны, в которой погибнет около 25–50% мирового населения, он отстаивал принцип «мыслить немыслимое». Академические ученые, не обладавшие интеллектуальной смелостью, закрывали глаза на такого рода проблемы и указывали на очевидное, а не на возможное – неприемлемость ядерной войны. Кан, наоборот, считал, что нужно анализировать все возможные варианты будущего развития, в том числе кажущиеся сегодня невероятными и немыслимыми. Он справедливо полагал, что история часто оказывается намного более многообразной, чем это представляется возможным даже незаурядным мыслителям. В качестве примера он приводил Первую мировую войну. До ее начала возможный сценарий войны мог восприниматься только как дурной сон, совершенно невероятное событие. Тем не менее зигзаги исторических событий привели к тому, что война произошла, в результате чего пострадали миллионы людей. По Кану, принцип «мыслить немыслимое» заключался в необходимости поиска максимального результата с помощью инноваций, которые были бы полезны для мира, где уничтожены фундаментальные составляющие современной инфраструктуры. «Мыслить немыслимое» значит сегодня думать над созданием технологий, необходимых на следующий день после конца света (Kahn, 1962).

В XXI в. сценарии немыслимого (на примерах фармацевтических компаний, недооценивающих последствия продвижения некоторых лекарств; отказа католической церкви от борьбы с систематическими злоупотреблениями в отношении священников-педофилов; предположений

японских инженеров и ученых о том, что их реакторы могут выдержать землетрясения, и др.) продуктивно продолжает анализировать Ф.Е. Тетлок с коллегами (Tetlock et al., 2000; Schoemaker, Tetlock, 2012). Он полагает, что табу (неявные ограничения, запреты на то, что можно сказать и даже подумать) являются универсальной чертой социальных систем. Проследив постфактум любую катастрофу до ее первопричин, практически всегда можно найти предупреждающие сигналы, предвещавшие гибель. Вместе с тем оказывается, что лидеры игнорировали сигналы, к которым им следовало прислушаться. В таких ситуациях корень проблемы – не в отсутствии доказательств, а в нежелании руководителей противостоять «отвратительным» идеям, потому что сигналы противоречили существовавшим у них ментальным моделям и ценностям. Вследствие этого они переходили в область «невыразимого» или «немыслимого». Ф.Е. Тетлок называет такие ситуации «сценариями табу», потому что идеи, рассматриваемые правящим большинством как табу, не привлекают того внимания, которого они заслуживают. Из-за этого табуированные сценарии представляют собой пагубные риски для организаций.

Мы все придерживаемся убеждений и ценностей, которые считаем универсальными и которые отказываемся подвергать сомнению, пока не столкнемся с нарушающими их обстоятельствами. При этом некоторые ценности кажутся священными: их нельзя нарушать; к таковым относятся неприкосновенность человеческой жизни, необходимость защиты детей и сохранения окружающей среды для будущих поколений. Предложения, связывающие эти ценности с компромиссами или подрывающие их моральную значимость, как правило, вызывают яростный протест. Однако прогресс человечества требует осмысления новых возможностей: «Давние табу, возможно, придется пересмотреть из-за инноваций, технического прогресса

или просто нового образа мышления. Лидерам, возможно, потребуется подвергнуть сомнению табу организации, чтобы увидеть новые возможности, или предупредить друг друга о надвигающейся угрозе, которая может оказаться слишком ужасной, чтобы ее даже рассматривать. Это могут быть неконтролируемые расходы на периферии зоны евро; риски, связанные с чрезвычайно прибыльным, широко используемым лекарством; опасности устоявшейся технологии, такой как ядерная энергетика в Японии; или новая технология, такая как геномная инженерия» (Schoemaker, Tetlock, 2012, p. 12). Для переоценки и устранения табу авторы рекомендуют руководителям развивать организационную культуру, которая поощряет интеллектуальное любопытство. Нужно исследовать неудобные возможности именно потому, что они разрабатываются как предварительные гипотезы. В этом случае, рассматривая альтернативные точки зрения, изложенные в конструктивном духе, руководители с меньшей вероятностью будут ошеломлены сценариями, которые были невидимы из-за табу на высказывание правды. Это может быть сделано посредством поощрения всех, кто откровенно выступает против преобладающих норм. При этом отмечается, что при рассмотрении табуированных сценариев эмоциональные барьеры зачастую даже более сложны, чем когнитивные. «Понимая это, лидеры должны поощрять культурное разнообразие, терпимость к двусмысленности и уважение к различиям» (Там же, p. 20).

Есть публикации, авторы которых исследуют, как невысказанное сказывается на формировании идентичности личности. В этом контексте даже мысль о нарушении табу считается невысказанным действием, влекущим наказание. Анализируется модель, в которой табу являются частью определения личности. Отмечается, что нарушения табу изменяют набор индивидуальных предпочтений и указывают на информацию о возможных личных выгодах.

Однако поскольку нарушения табу требуют больших затрат, то они противостоят идентичности человека (Fershtman, Gneezy, Hoffman, 2008).

Категория «невысказанное» применяется и в других гуманитарных и социальных науках (Gowing, Langdon, 2018; Thomson, 2018). Один из примеров изучения невысказанного в исторической науке – статья, посвященная гаитянской революции (единственному в истории успешному восстанию рабов, произошедшему во французской колонии Сан-Доминго в 1791–1803 гг., в результате которой колония получила независимость). Гаитянская революция была невысказанной в то время, когда она произошла, потому что европейцы XVIII в. мыслили онтологически расистскими способами. Однако она невысказанна и для многих современных историков, которые не могут примириться с историей, какой она была на самом деле (Sepinwall, 2013).

ПСИХОЛОГИЯ ПОНИМАНИЯ НЕВЫСКАЗАННОГО

В психологии задача изучения невысказанного также уже давно оценивается учеными как очень значимая. Исследования детерминации понимания экзистенциальной реальности свидетельствуют о том, что наряду с возможным в психологической науке, например в психологии личности, психологии мышления, очень важно изучать не только невозможное, но и невысказанное. В этом плане «остается актуальной постановка вопросов о тех психологических процессах, посредством которых человек в своих предвосхищениях или прогнозах выходит из области возможного в мышлении на основе доступной ориентировки в область прогнозов “невысказанного”, соотносит их рефлекслируемые и интуитивные основания» (Корнилова, 2016, с. 22).

Важным психологически значимым проявлением невысказанного является соотношение сознательного и бессознательного.

Иногда немислимое так глубоко запрятано в сознании понимающего мир субъекта, что его нельзя «извлечь» и объяснить с помощью фреймов, когнитивных схем, вообще на основе рациональных знаний. И тогда для объяснения обсуждаемого феномена полезно вспомнить мысль, сформулированную индийским мыслителем Д. Кришнамурти: «Понимание не приходит со знанием. Оно приходит в интервале между словами, между мыслями, этот интервал – безмолвие, не нарушенное знанием; оно открыто, неуловимо, внутренне полно» (цит. по: Налимов, 1979, с. 112).

Вероятно, наиболее известными примерами немислимого в истории человечества можно считать теракты и холокост – планомерное убийство миллионов людей по этническому признаку. Нормальному человеку трудно понять мотивацию и логику мышления нацистов и террористов, потому что «нормальность» основана на представлении об абсолютном приоритете ценности человеческой жизни. С приоритетом ценности человеческой жизни у человечества всегда были проблемы: моральная заповедь «не убий» – это запрет убийства одного человека, а за истребление врагов во время войны людей не наказывают, а награждают. Пример – советский пропагандистский лозунг «Убей немца!» (не одного, а многих), стихийно появившийся в июле 1942 г. и поддержанный советской пропагандой для активизации ненависти к главному противнику СССР во Второй мировой войне. Другой пример – смертные казни, законодательно разрешенные в некоторых странах. Таким образом, убийство человека не разрешено в качестве морального запрета, а правовой закон запрещает только незаконное убийство, совершающееся по чьему-либо произволу.

Многовековые противоречия между правовыми и моральными нормами, относящимися к индивидуальному или массовому убийствам, особенно отчетливо проявились во время Нюрнбергского процесса,

суда над нацистами, причастными к массовому истреблению людей. Подавляющее большинство подсудимых были осуждены как преступники, но сам процесс вскрыл множество изъянов правовой системы, породивших мнение о его глобальном провале: «Нигде это озадачивающее положение не проявилось нагляднее, чем в ужасном провале Нюрнбергского процесса. Попытка свести демографическую политику нацизма к понятиям уголовного права о преследовании и убийстве привела к тому, что, с одной стороны, сама чудовищность преступлений сделала любое мыслимое наказание смехотворным, а с другой стороны, никакое наказание не могло даже быть признано “правовым”, поскольку это предполагало, вместе с повинением заповеди “не убий”, возможный ряд мотивов, качеств, которые заставляют людей становиться убийцами и делают их убийцами и которые совершенно очевидным образом абсолютно отсутствовали у обвиняемых» (Арендт, 2018, с. 513). Главная проблема обвинителей – использование ими рациональных аргументов, зафиксированных в правовых документах, которыми невозможно объяснить интуитивные, иногда совершенно бессознательные основания человеческого поведения. Немислимость – производная от расхождения сознательного и бессознательного.

Обсуждаемый феномен глубоко и содержательно проанализирован в статье О.П. Зубец «Как мыслить совершившему немислимое?» (2020). Ее название отражает связь понимания и самопонимания, оно указывает на два значения «немислимого»: что выступает в такой роли для свидетелей совершенного и почему сами субъекты действия не осознают, а потому не признают немислимыми поступки, которые другие люди расценивают как ужасающие, не укладывающиеся в рамки человеческой логики и морали?

Психологически приемлемый ответ на второй вопрос, по-видимому, заключается

в подавлении нравственного рациональным: скрупулезное выполнение правил, указаний начальства не дает пробудиться угрызениям совести за совершенное (геноцид, убийство тысяч людей в концлагерях и т.п.). Рационально обоснованным, в частности, является такое суждение: умерщвляя неизлечимо больных, выполняя программу оздоровления населения Германии, нацисты давали шанс другим пациентам, потому что высвобождались финансы. В концлагерях страх ответственности перед властями у служащих чудовишной машины смерти оказывался сильнее совести. Х. Арндт отмечает, что управляющие лагерями люди из СС были совершенно нормальны и, казалось бы, в психологическом отношении ничем не отличались от других людей. Она так пишет о представителе лагерной администрации: «Он развел частные и общественные функции, семью и работу настолько далеко, что больше не может найти в себе самую какую-либо связь между ними. Когда его профессия заставляет убивать людей, он не считает себя убийцей, потому что он сделал это не из предрасположенности, а в силу своей профессии. Просто так он и мухи не обидит. Если сказать члену этого нового профессионального класса, созданного нашим временем, что его призывают к ответу за то, что он сделал, он не почувствует ничего, кроме того, что его предали. Но если в шоке катастрофы он действительно осознает, что на самом деле он был не только функционером, но и убийцей, то выходом для него будет не бунт, а самоубийство — точно так же, как многие уже выбрали путь самоубийства в Германии, где волны самоубийств идут одна за другой. И от этого никому из нас пользы тоже не будет» (Арндт, 2018, с. 248–249).

Чудовищные преступления нацистов в большинстве случаев не выводимы из их онтогенеза и личных качеств: «Как свидетельствует Лоренц Риз о Менгеле, “ничто в его предыдущем опыте до Аушвица не указывало на то, что он способен на садизм

в гигантских масштабах”. Более того: люди, совершавшие невысказанное зло, во всех остальных отношениях отличались множественностью моральных добродетелей: Менгеле был явно мужественным человеком, получившим железный крест за спасение двух танкистов. Грюнинг говорит, что работа в Аушвице вела к возникновению дружеских связей, о которых он намного позже вспоминает с радостью, Гесс в дневнике предстает ответственным, жаждущим правдивости человеком, симпатизирующим цыганам, но выполняющим свой долг по их уничтожению» (Зубец, 2020, с. 30).

Однако главное, что объединяло подсудимых нацистских преступников, — вытеснение из сознания морально-нравственных аспектов вменяемой им вины, подмена их вербально-рациональными рассуждениями. Подмена приводила к тому, что они не понимали, за что их судят. А. Эйхман, ответственный за депортацию и убийство почти шести миллионов евреев, на суде в Иерусалиме говорил, что чувствует свою вину перед Богом, но не перед законом: «Я был всего лишь верным, аккуратным, корректным, прилежным исполнителем. Был вдохновлен чувствами к своей родине... Внутренне я никогда не был ни подлецом, ни изменником... Я... если стану строго и беспощадно судить себя сам, то должен буду обвинить себя в содействии убийствам. Но я еще не вижу ясно, имею ли я на это право по отношению к моим непосредственным подчиненным... я с чистой совестью и верой в сердце исполнял приказы и следовал долгу» (Зубец, 2019, с. 56). Если так рассуждал один из высших чинов нацистской Германии, то неудивительно, что такими же рациональными убеждениями руководствовались рядовые исполнители: «Курт Франц, до войны служивший в Бухенвальде, был убежденным нацистом и принимал участие в программе T-4, то есть уже несколько лет жил в атмосфере ненависти к евреям. Он и ему подобные полагали, что тех, кого Третий рейх считает недостойными жизни, убивать не просто можно —

нужно. Очевидно, при этом Франц полагал, что люди, которых он унижает, мучает и убивает, на самом деле вообще не люди, но это не может быть единственным объяснением его садизма» (Рис, 2018, с. 332).

Фактически суды над нацистскими преступниками выявили новый вид «немотивированных» преступлений: «Юридический процесс учитывает намерение и ситуативные обстоятельства, но процесс над Эйхманом обозначил преступление совершенно иного рода — без намерения и даже иногда понимания, что совершается зло, с убеждением в законности совершаемого» (Зубец, 2019, с. 52).

Перейдем теперь к анализу первого значения «немыслимого», представленного в статье О.П. Зубец: что выступает в такой роли для свидетелей совершенного? Корни ответа на этот вопрос следует искать в расхождении права и морали, отраженном в ироническом высказывании: «Успешным результатом деятельности адвоката является победа разума над справедливостью». В противоположность этому экзистенциальная реальность, в частности, жизни в концлагере несводима к познаваемым рассудком ее фрагментам, она больше, чем сумма фактических элементов: «Апория Освенцима по сути является апорией исторического познания вообще: она заключается в несовпадении фактов и правды, несовпадении констатации и понимания» (Агамбен, 2012, с. 9). Включение в анализ немыслимого категории «правды» сразу же обозначает выход за узкие пределы когнитивной сферы. Правда в отличие от истины всегда становится предметом личностного отношения и субъективной оценки поступка, которые зависят от моральных ценностей и мировоззрения понимающего мир субъекта. Одним из главных компонентов правды является представление о справедливости.

Для выживших узников, свидетельствующих об ужасах лагерного существования, правда означает нечто, невыразимое в словах, потому что для них она заключается

не в конкретных описываемых фактах, а в том целом, которым они порождены. Здесь отчетливо проявляется разница между знанием и экзистенциальным опытом: бывшие узники свидетельствуют о чем-то таком, о чем слушатели не могут даже помыслить, потому что подобных фактов нет и не может быть в их экзистенциальном опыте: «Правда свидетелей не выразима в цифрах и эмпирически не схватываема. Она оказывается чем-то недостижимым, а клятва бессмысленной, так как донести правду есть главный смысл жизни этих выживших» (Зубец, 2019, с. 56). Вместе с тем если нет отрефлексированной правды, справедливости, то нет и осознанного морального выбора.

Невозможность морального выбора, к примеру, для матери, принуждаемой нацистами, сказать, кому из двух сыновей отправиться в газовую камеру, сразу же переводит ситуацию в разряд немыслимых. Такой выбор не может быть нравственным, потому что он не укладывается в нормы человеческой морали: «Моральный выбор становится невозможностью, недопустимостью выбора» (Зубец, 2020, с. 27). Ситуацию нельзя понять просто как факт: она отсылает к глубинным представлениям о справедливости, человеческом достоинстве и даже чувству вины за бессилие и соучастие в немыслимом. Такая вина основана на горечи осознания того, что мое бессилие способствует превращению немыслимого в норму, определяющую правила существования в концлагере. Другой совершенно иррациональный источник вины — я жив, потому что другой умер вместо меня: «Человек не способен выжить в концентрационном лагере, не почувствовав себя виноватым за то, что ему так невообразимо повезло, в то время как миллионы погибли, и многие погибли у него на глазах... В лагерях он был вынужден годами, день за днем наблюдать уничтожение других, чувствуя — наперекор логике, — что он должен помешать этому,

испытывая вину за то, что часто бывал рад, что погиб не он» (Агамбен, 2012, с. 95).

Обобщая, можно утверждать, что невысказанное порождается в результате попытки осознать и понять существование, которое абсолютно невозможно помыслить. Д. Агамбен пытается объяснить причины возникновения невысказанного, используя древнегреческую метафору Горгоны — лица, на которое запрещено смотреть, лица, несущего смерть тому, кто осмелится взглянуть на него. В то же время это притягивающее взор человека зрелище, которого невозможно избежать. Применительно к Освенциму «увидеть Горгону» значит осознать невозможность видения: «Образ Горгоны, вид которой обращает человека в не-человека, означает, что “в глубине” человеческого находится не что иное, как невозможность лицезрения. Однако именно то, что эта уже не человеческая невозможность лицезрения взывает к человечности — как апострофа, которую невозможно игнорировать, — именно это, и ничто другое, является свидетельством. Горгона и тот, кто взглянул ей в лицо, ... и тот, кто свидетельствует о нем, сливаются в единый взгляд, в единую невозможность видения» (Там же, с. 57).

Как невысказанные, непонятные, иррациональные обычно воспринимаются не только действия, направленные на массовое уничтожение людей. Такими же в обыденном сознании выглядят любые проявления несправедливой агрессии и насилия, в широком смысле называемые «злом»: «Определяя что-то как зло, предполагают, что обсуждаемые действия или события не подвластны обычному человеческому пониманию и располагаются вне границ этики и даже нормального человеческого поведения. Однако зло — результат обычных психологических процессов и их проявлений в поведении» (Ениколопов, 2011, с. 309).

Психологический анализ причин зла вскрывает его множественную детерминацию. Каждая из перечисленных ниже

причин отражает точку зрения людей, понимающих ситуацию как невысказанную.

Во-первых, очевидны различия в *социальных позициях*, определяющих специфику интерпретации преступления. Жертва, например, ограбления с применением насилия воспринимает его как шокирующее и отвратительное. Преступник может понимать ситуацию иначе: «ничего личного», он всего лишь хотел завладеть ценностями жертвы. В результате жертва может испытывать гораздо большие страдания, чем мыслил и предполагал преступник. В этом проявляется феномен несовпадения оценки масштабов случившегося жертвой и преступником, обычно не способным посмотреть на ситуацию глазами пострадавшего (Baumeister, Campbell, 1999). Неудивительно, что жертвы часто описывают поведение преступников как проявление чрезмерной беспричинной жестокости, а преступники указывают на провоцирование со стороны жертв: «Она сама этого хотела, иначе для чего бы она надела такую короткую юбку?» Жертвы категорически осуждают преступников, объясняя произошедшее их негативными моральными качествами. В то же время преступившие закон, признавая свой проступок, обычно указывают на оправдывающие их обстоятельства.

Во-вторых, значимую роль играют *ситуационные факторы* возникновения невысказанной жестокости. Важнейший среди них — коллективная ответственность (а точнее, коллективная безответственность), способствующая возникновению новых социальных и моральных норм, которые допускают поведение, ранее считавшееся невысказанным. Детальный психологический анализ действия ситуационных факторов проделал Ф. Зимбардо на примере жестоких пыток американских надзирателей в иракской тюрьме Абу-Грейб. Там триггером — пусковым механизмом действия ситуационных составляющих взаимодействия с заключенными — послужила инструкция, которую начальство давало подчиненным:

«Используйте свое воображение. Сломайте их. Надо, чтобы вы их сломали, когда мы вернемся» (Зимбардо, 2020, с. 544).

В-третьих, то, что одним кажется невымыслимым, другие могут совершать во имя вполне *социально приемлемых целей*: «В некоторых случаях люди могут совершать чудовищные преступления и даже массовые убийства для реализации своих положительных идеалов, ценностей группы или утопических проектов. Например, самое большое число жертв в истории было в период сталинских и маоистских чисток. Эти смертельные кампании, однако, были реализацией идеалистических проектов создания утопического общества, основанного на равенстве, разделенном богатстве и достоинстве для всех» (Ениколопов, 2011, с. 322).

Перечисленные три причины жестокости как невымыслимого не исчерпывают основания его возникновения: психология агрессии – огромная область психологической науки. Однако они немного проясняют психологию возможного перехода от невымыслимого к вербально объяснимому.

ОКНА ОВЕРТОНА И ТЕРАКТЫ: ОТ НЕМЫСЛИМОГО К ДОПУСТИМОМУ

Главный вопрос, возникающий при психологическом анализе обсуждаемого феномена: как в цивилизованном обществе возможно то, что подавляющему большинству людей кажется невымыслимым и недопустимым? Частичный ответ на него можно получить при обращении к технологии окон возможностей Овертона. Американский политолог Дж. П. Овертон, вице-президент Макинакского центра публичной политики (Maskinac Center for Public Policy), погибший в 2003 г. в авиакатастрофе, описал пять стадий трансформации идей, сначала воспринимающихся большинством людей как шокирующие, разрушительные, антиобщественные. В результате многочисленных обсуждений

идеи понимаются уже как приемлемые и нормативно заданные. Основная гипотеза Овертона состояла в предположении, что для каждой проблемы или идеи в социуме существуют границы, рамки, называемые им «окнами возможностей». На каждой стадии понимания проблемы границы можно изменять, преобразуя область невозможного в сферу обычного и потому морально приемлемого.

Сегодня метод окон Овертона применяется в самых разных сферах общественной жизни: в науке для описания того, какие стадии мышления приводят к принятию ранее отвергаемых идей (Суздалева, 2015); в ходе дискуссий, касающихся проблем переброски ресурсов пресных вод, способных при дальнейшем развитии парникового эффекта предотвратить аномальные наводнения и засухи (Суздалева, Горюнова, 2015); при обсуждении инцеста, гомосексуализма (Володенков, Федорченко, 2015), педофилии (Григорян, 2017), каннибализма (Каткова, 2020) и др. При этом всегда сохраняется пятизвенная структура рассуждений.

Стадия 1 – от невымыслимого к радикальному. Отвергаемую, казавшуюся абсурдной идею (однополое браки и др.) надо начать публично обсуждать. Хотя тема и вызывает со стороны общества преимущественно негативную реакцию, ее обсуждение подтверждает факт существования данного явления и его претензии на особое место в публичном пространстве.

Стадия 2 – от радикального к приемлемому. Осуществляется целенаправленное воздействие на массовое или групповое сознание с целью создания определенной установки. В результате невымыслимая ранее идея воспринимается как нечто уже присутствующее в жизни и потому допустимое (хотя пока еще нежелательное). Для утверждения допустимости обсуждаемого явления приводятся различные доказательства, тщательно подбираются выражения: к примеру, каннибализм может быть заменен на антропофагию или антропофилию.

Стадия 3 – от приемлемого к разумному. На третьем шаге обсуждений проблемы в общественном сознании формируется установка на необходимость непредвзятого отношения к невысказанной неприемлемой ранее идее. Происходит формирование отношения к ней как к такой данности, с которой нельзя не считаться.

Стадия 4 – от разумного к популярному. В сознании людей формируется такое стремление поддержать идею, при котором ее приверженцы уже не воспринимаются как противники. Обращается внимание на тех, для кого решение этой проблемы является важным и актуальным. О теме пишут и говорят, и люди всерьез начинают задумываться, не стоит ли им поменять свое отношение к обсуждаемой проблеме.

Стадия 5 – от популярного к норме. Превращение ранее невысказанной идеи в стереотип мышления и поведения большей части общества. На этом шаге обсуждений идея может быть закреплена в законодательных актах или стать неизбежной нормой общественной морали. В западном мире так сейчас происходит с легализацией однополых браков.

По существу, Овертон указал на универсальные закономерности превращения невысказанного в допустимое. Эти закономерности, начиная с античности, всегда существовали в человеческом обществе (Володенков, Федорченко, 2015). В современных публикациях упоминания об окнах Овертона чаще всего встречаются в контексте политических манипуляций общественным сознанием (Szalek, 2013). Однако меня интересует не «для чего», а «как»: почему человек начинает понимать как допустимое, оправданное и даже нормативно заданное то, что раньше ему казалось невозможным и невысказанным?

Самым общеизвестным примером такого невысказанного являются теракты: как, по каким причинам люди могут уничтожать других людей, в том числе невинных детей и женщин? Первоначальный наиболее

распространенный ответ на этот вопрос заключался в негативной характеристике террористов: ими становятся молодые люди из бедных семей, с низким уровнем образования, психически неустойчивые и т.п. Последующие научные исследования все это опровергли. У исполнителей терактов нет высокого уровня психопатологии (Moghaddam, 2005), они психически нормальны (Crenshaw, 2000), религиозны, вежливы, серьезны, спокойны, целеустремленны, отчужденны и немногословны (Grimland, Apter, Kerkhof, 2006). Не подтверждается также и гипотеза о происхождении террористов только из бедных семей и их низком уровне образования. Такой психологический портрет весьма отличается от стереотипа импульсивного жестокого террориста, и напрашивается вывод, что они такие же люди, как все. Следовательно, причины невысказанного надо искать в чем-то другом.

Превращение человека в террориста, как и в окнах Овертона, происходит в течение нескольких стадий, во время которых происходит трансформация Я и становление новой идентичности. В исламском фундаментализме будущие террористы проходят несколько ступеней изменения своей идентичности, которую Ф. Мохаддам называет «лестницей терроризма». На высшей ее ступени террорист начинает считать, что «другие» (американцы, христиане и т.п.) настолько виноваты в разрушении традиционных мусульманских ценностей, что их жизнь, даже женщин и детей, ничего не стоит: «Лестница по пути к терроризму включает в себя трансформации идентичности, когда личность продвигается от одного уровня осознания себя и окружающего мира к другому. Со временем индивид продвигается от “основания к вершине здания”»: он или она изменили свою идентичность таким образом, чтобы допустить возможность разрушения и уничтожения других людей» (Мохаддам, 2011, с. 66).

Как и в методе окон Овертона, подчеркивается, что последовательность стадий не обязательно должна жестко соблюдаться, некоторые из них могут быть пропущены, но общая структура соблюдается. Вот пример формирования экстремистских установок у арабских террористов: «Израильский психолог Ариэль Мерари (Ariel Merari) изучала этот феномен в течение многих лет и обрисовала общие шаги по пути к смертельному взрыву в Израиле. Сначала старшие члены экстремистской группировки ищут людей с сильным патриотическим порывом. Как правило, это проявляется в публичных заявлениях против Израиля или в поддержке мусульманских и палестинских действий. Затем потенциальных новобранцев вовлекают в разговор о том, как сильно они любят свою страну и насколько ненавидят Израиль. Потом им предлагают посвятить себя обучению. Те, кто берет на себя подобное обязательство, становится частью маленькой секретной ячейки, состоящей из трех-пяти молодых людей. Старшие учат их ремеслу: как собрать бомбу, как маскироваться, как выбирать цель и рассчитать время. Наконец, они делают видеозапись, в которой заявляют о своем решении стать “живыми мучениками” Ислама (“аль шахид аль-хай”). В одной руке они держат Коран, в другой винтовку; на их голове повязка с орденом, что свидетельствует об их новом статусе. Поскольку видео посылается их родственникам, то оно прочно связывает их обязательством совершить финальный шаг. Новобранцам говорят, что своим мученичеством они заработают место подле Аллаха после жизни не только себе, но и своим родственникам. Кроме того, их семьи иногда снабжают немалыми финансовыми средствами или назначают им ежемесячную пенсию» (Зимбардо, Бойд, 2010, с. 171).

Самый общий вывод западных психологов заключается в том, что корни терроризма следует искать в социальных

условиях жизни людей, а не в их индивидуальных характеристиках. Ф. Зимбардо и Дж. Бойд полагают, что кажущееся иррациональным поведение террористов, их немыслимые поступки можно рассматривать как допустимую данной культурой попытку получить вознаграждение или избежать наказания в трансцендентном будущем: «С позиции, которую открывает нам Трансцендентное будущее, действия террористов-смертников – не сумасшедшие, фанатические, пропитанные ненавистью или отчаянием. Скорее, это действия, совершенные религиозными людьми, которые не имеют возможности надеяться на хорошее будущее в этой жизни, но питают сильную надежду на Трансцендентное будущее» (Там же, с. 181).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Необходимо подвести предварительные итоги постановки и решения новой проблемы анализа психологических механизмов понимания немыслимого. Прделанный психологический анализ показал, что, предельно обобщая и потому упрощая, можно выделить три главные характеристики немыслимого. События и ситуации, которые люди оценивают как немыслимые, характеризуются, во-первых, подавлением иррационального рациональным; во-вторых, выходом за границы привычных нравственных рассуждений, обусловленным невозможностью морального выбора; в-третьих, таким расхождением между знанием и экзистенциальным опытом понимающего мир субъекта, при котором он оказывается в амбивалентной позиции: одновременно надо и нельзя видеть немыслимое. Для субъекта немыслимое – источник умственного напряжения и внутреннего конфликта: есть задача понимания смысла феномена, но нет знаний, умений и навыков для ее решения. Они появляются при обращении к «океану возможного», внешнему

«возможностному» миру. Например, использование техники окон возможностей Овертона позволяет субъекту найти правдоподобные интерпретации немислимого в многообразии противоположных точек зрения и позиций.

Исследования понимания немислимого находятся еще в самом начале, но их научная значимость и перспективность не вызывают сомнения.

1. *Агамбен Д.* Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. М.: Европа, 2012.
2. *Арендт Х.* Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.
3. *Володенков С.В., Федорченко С.Н.* Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // Обозреватель Observer. 2015. № 4. С. 83–93.
4. *Григорян А.А.* Окно Овертона. Политическая концепция Джозефа Овертона // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2017. № 1 (17). С. 24–28.
5. *Ениколопов С.Н.* Психология зла // Психологические исследования духовно-нравственных проблем / Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юрвич. М.: Ин-т психологии РАН, 2011. С. 308–335.
6. *Зимбардо Ф.* Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.
7. *Зимбардо Ф., Бойд Дж.* Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010.
8. *Зубец О.П.* Как мыслить совершившему немислимое? // Философский журнал / Philosophy Journal. 2020. Т. 13. № 2. С. 19–34.
9. *Зубец О.П.* Суд над Эйхманом: этический взгляд // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2 (99). С. 51–61.
10. *Каткова М.М.* Развитие субкультуры канибализма в условиях политической трансформации информационного общества // Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности: Мат-лы XIV науч. конф. с междунар. участием (24 октября 2019 г.). М.: Изд. дом «ИМЦ», 2020. С. 263–270.
11. *Корнилова Т.В.* Прогнозирование и «образ мира» в актуалгенезе динамического контроля неопределенности // Ментальные ресурсы личности: теоретические и прикладные исследования: Мат-лы Третьего междунар. симпозиума (Москва, 20–21 октября 2016 г.) / Отв. ред. М.А. Холодная, Г.В. Ожиганова. М.: Ин-т психологии РАН, 2016. С. 21–25.
12. *Мохаддам Ф.М.* Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают и почему обращаются к насилию. М.: Форум, 2011.
13. *Налимов В.В.* Вероятностная модель языка. О соотношении естественных и искусственных языков. М.: Наука, 1979.
14. *Пис Л.* Холокост: Новая история. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2018.
15. *Суздалева А.Л.* Окна Овертона в сфере естественных и технических наук: мониторинг, информационно-аналитическое сопровождение и возможные сценарии // Естественные и технические науки. 2015. № 8. С. 17–18.
16. *Суздалева А.Л., Горюнова С.В.* Окна Овертона в развитии современной концепции биосферы и решении глобальных экологических проблем // Биосфера. 2015. Т. 7. № 4. С. 429–449.
17. *Vaumeister R.F., Campbell W.K.* The intrinsic appeal of evil: sadism, sensational thrills, and threatened egotism // Pers. and Soc. Psychol. Rev. 1999. V. 3. N 3. P. 210–221.
18. *Crenshaw M.* The psychology of terrorism: An agenda for the 21st century // Polit. Psychol. 2000. V. 21. N 2. P. 405–420.
19. *Fershtman Ch., Gneezy U., Hoffman M.* Taboos and identity: Considering the unthinkable // Amer. Economic J.: Microeconomics. 2008. V. 3. N 2. P. 139–164.
20. *Gowing N., Langdon C.* Thinking the unthinkable: A new imperative for leadership in the digital age. Suffolk, UK: John Catt Educational Ltd., 2018.
21. *Grimland M., Apter A., Kerkhof A.* The phenomenon of suicide bombing: A review of psychological and nonpsychological factors // Crisis. 2006. V. 27. N 3. P. 107–118.
22. *Kahn H.* Thinking about the unthinkable. N.Y.: Horizon Press, 1962.
23. *Moghaddam F.M.* The staircase to terrorism: A psychological exploration // Amer. Psychologist. 2005. V. 60. N 2. P. 161–169.
24. *Schoemaker P.J.H., Tetlock Ph.E.* Taboo scenarios: How to think about the unthinkable // California Management Review. 2012. V. 54. N 2. P. 5–24.
25. *Sepinwall A.G.* Still unthinkable? The Haitian revolution and the reception of Michel-Rolph Trouillot's silencing the past // J. of Haitian Studies. 2013. V. 19. N 2. P. 75–103.
26. *Szalek B.Z.* Some praxiological reflections on the so-called "Overton window of political possibilities", "Framing" and related problems // Reality of Politics. Estimates – Comments – Forecasts. 2013. N 4. P. 237–258.
27. *Tetlock Ph.E.* et al. The psychology of the unthinkable: Taboo trade-offs, forbidden base rates, and he-

retical counterfactuals / Tetlock Ph.E., Kristel O.V., Elson S.B., Green M.C. Lerner J.S. // *J.Pers. and Soc. Psychol.* 2000. V. 78. N 5. P. 853–870.

28. *Thomson H.* Unthinkable. An extraordinary journey through the world's strangest brains. N.Y.: HarperCollins Publishers, 2018.

References in Russian:

1. *Agamben D.* Homo sacer. CHto ostaetsya posle Osvencima: arhiv i svidetel' [Homo sacer. What remains after Auschwitz: archive and witness]. M.: Europe, 2012.
2. *Arendt X.* Opyty ponimaniya, 1930–1954. Stanovlenie, izgnanie i totalitarizm [Experiences of understanding, 1930–1954. Becoming, exile and totalitarianism]. M.: Publishing house of the Gaidar Institute, 2018.
3. *Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N.* Okno Overtona – manipulyativnaya matrica politicheskogo menedzhmenta [Overton's window – a manipulative matrix of political management] // *Observer.* 2015. T. 4. P. 83–93.
4. *Grigoryan A.A.* Okno Overtona. Politicheskaya koncepciya Dzhozefa Overtona [Overton window. The political concept of Joseph Overton] // *Evrazijskij zhurnal regional'nyh i politicheskikh issledovanij* [Eurasian J. of Regional and Political Studies]. 2017. N 1 (17). S. 24–28.
5. *Enikolopov S.N.* Psihologiya zla [Psychology of evil] // *Psikhologicheskie issledovaniya duhovno-nravstvennyh problem* [Psychological research of spiritual and moral problems] / *Otv. red. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich.* M.: In-t psikhologii RAN, 2011. S. 308–335.
6. *Zimbardo F.* Effekt Lyucifera. Pochemu horoshie lyudi prevrashchayutsya v zlodeev [The Lucifer effect. Why good people turn bad]. M.: Al'pina non-fikshn, 2020.
7. *Zimbardo F., Bojd Dzsh.* Paradoks vremeni. Novaya psihologiya vremeni, kotoraya uluchshit vashu zhizn' [The paradox of time. A new psychology of timing that will improve your life]. SPb.: Rech', 2010.
8. *Zubets O.P.* Kak myslit' sovershivshemu nemyslimoe? [How can someone who has done the unthinkable think?] // *Filosofskij zhurnal* / [Philosophy Journal]. 2020. V. 13. N 2. P. 19–34.
9. *Zubets O.P.* Sud nad Eichmanom: eticheskij vzglyad [Eichmann's trial: an ethical view] // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* [Actual problems of Russian law]. 2019. N 2 (99). S. 51–61.
10. *Katkova M.M.* Razvitie subkul'tury kannibalizma v usloviyah politicheskoy transformacii informacionnogo obshchestva [The development of the subculture of cannibalism in the context of the political transformation of the information society] // *Grani kul'tury: aktual'nye problemy istorii i sovremennosti: Mat-ly XIV nauchn. konf. s mezhdunar. uchastiem* (24 oktyabrya 2019 g.). [Facets of culture: topical problems of history and modernity: Proceedings of the XIV scientific conference with international participation (October 24, 2019)]. M.: Izd. dom «IMC», 2020. S. 263–270.
11. *Kornilova T.V.* Prognozirovanie i «obraz mira» v aktualgeneze dinamicheskogo kontrolya neopredelennosti [Forecasting and the “image of the world” in the actualgenesis of dynamic control of uncertainty] // *Mental'nye resursy lichnosti: teoreticheskie i prikladnye issledovaniya: Mat-ly Tret'ego mezhdunar. simpoziuma* (Moskva, 20–21 oktyabrya 2016 g.) [Mental resources of a personality: theoretical and applied research: Proceedings of the third international symposium (Moscow, October 20–21, 2016)] / *Otv. red. M.A. Holodnaya, G.V. Ozhiganova.* M.: In-t psikhologii RAN, 2016. S. 21–25.
12. *Mohaddam F.M.* Terrorizm s tochki zreniya terroristov: chto oni perezhivayut i dumayut i pochemu obrashchayutsya k nasiliyu [Terrorism from the perspective of terrorists: what they experience and think and why they turn to violence]. M.: Forum, 2011.
13. *Nalimov V.V.* Veroyatnostnaya model' yazyka. O sootnoshenii estestvennyh i iskusstvennyh yazykov [Probabilistic language model. On the relationship between natural and artificial languages]. Moscow: Nauka, 1979.
14. *Ris L.* Holokost: Novaya istoriya [The Holocaust: A new history]. M.: KoLibri, Azbuka–Attikus, 2018.
15. *Suzdaleva A.L.* Okna Overtona v sfere estestvennyh i tekhnicheskikh nauk: monitoring, informacionno-analiticheskoe soprovozhdenie i vozmozhnye scenarii [Overton windows in the field of natural and technical sciences: monitoring, information and analytical support and possible scenarios] // *Estestvennye i tekhnicheskije nauki* [Natural and technical sciences]. 2015. N 8. S. 17–18.
16. *Suzdaleva A.L., Goryunova S.V.* Okna Overtona v razvitii sovremennoj koncepcii biosfery i reshenii global'nyh ekologicheskikh problem [Overton windows in the development of the modern concept of the biosphere and the solution of global environmental problems] // *Biosfera* [Biosphere]. 2015. T. 7. N 4. S. 429–449.

Поступила в редакцию 12. I 2021 г.

Understanding the Unthinkable

V.V. Znakov

*Institute of Psychology of the Russian Academy
of Sciences, Moscow, Russia*

The problem of understanding of the unthinkable, which is new for Russian psychological science, is formulated in the article. The semantics of the concept of “the unthinkable” is analyzed. It is shown that cognitive components of the phenomenon can be reduced either to the improbable, impossible, hard to imagine, or extraordinary, exceptional in degree of manifestation. The existential meaning of “the unthinkable” is connected with the acceptance or rejection of moral and social norms of human behavior in society, with the unacceptability of situations that are understood by most people as unthinkable. The unthinkable (holocaust, terrorist attacks, evil) is generated as a result of attempts to comprehend and understand an existence that is absolutely inconceivable. Unthinking is a consequence of the discrepancy between the subject’s existential experience and the rational schemes of reasoning, templates, and frames he uses to understand. When people deal with the unthinkable, first, it is impossible to unambiguously identify the causes and consequences of events and phenomena: they are determined in a random way for the understanding subject; second, events and phenomena that are irrational in their essence and that people try to understand using rational cognitive modes of reasoning turn out to be unthinkable.

Overall, psychological analysis has shown that three main characteristics of the unthinkable can be identified. Events and situations which people assess as unthinkable are characterized by suppression of the irrational by the rational; by going beyond the boundaries of habitual moral reasoning, due to the impossibility of moral choice; by such a discrepancy between knowledge and the existential experience of the understanding subject, that he finds himself in an ambivalent position: one must and cannot see the unthinkable simultaneously. For the subject, the unthinkable is a source of mental tension and inner conflict. One way to obtain them is to use the “Overton windows of opportunity” technique, which allows us to find plausible interpretations of the unthinkable in a variety of opposing viewpoints and positions.

Key words: understanding, determination, polydetermination, necessary, possible, plausible, impossible.